

§10 ОБЩИНЫ И ЗЕМЛЯЧЕСТВА

Лиджиева И.В.

КОЧЕВЫЕ ИНОРОДЦЫ СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ: АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ XIX В.

***Аннотация.** Предметом исследования данной статьи является процесс административно-территориального моделирования имперскими властями территории Степного Предкавказья, населенной кочевыми народами в XIX в. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как административно-территориальное устройство калмыков, ногайцев и туркмен и его законодательное оформление. Особое внимание уделяется положенному в основу административно – территориального моделирования этническому принципу, который не нарушал экономической целесообразности, рационально и эффективно с ним совмещаясь. При сохранении допустимых правовых норм, местных традиций и обычаев, основной целью имперской политики по отношению к вошедшим в состав России народам было стремление унифицировать систему управления, в связи с возрастанием значения указанного региона, как в стратегическом, так и в хозяйственно-экономическом отношении. Методологической основой исследования являются принципы объективизма и историзма. Источниковая база представлена источниками различного происхождения, основную группу источников составляют архивные документы. Научное новизна исследования заключается в анализе выявленных источников, на основе которых был сделан вывод о том, что административно-территориальное моделирование пространства Степного Предкавказья зависело от таких факторов как специфика региона: политические, экономические и этнические особенности, что и обусловило поливариантное устройство государства в целом. Приставство и улус обладали всеми признаками национально-территориальной модели государственного устройства.*

Статья подготовлена в рамках программы Президиума РАН № 22 «Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья»

Ключевые слова: Иностранцы, Степное Предкавказье, губерния, империя, улус, приставство, кочевые народы, XIX век, административно-территориальное моделирование, административно-территориальное устройство.

Abstract. *The subject of this research is the process of administrative-territorial modelling by the imperial authorities of the steppe territory of North Caucasus, populated by the nomadic people in the XIX century. The author thoroughly examines such aspects of the topic as the administrative-territorial structure of the Kalmyks, Nogais, and Turkmens, as well as its legislative formalization. Peculiar attention is given to the laid in the foundation of the administrative-territorial modelling ethnical principle, which did not violate the economic purposefulness, but rather rationally and effectively complemented it. With preservation of the admissible legal norms and local customs and traditions, the major goal of the imperial policy, regarding the entered into the composition of Russia ethnic groups, consisted in unification of the system of administration due to the growing strategic and economic importance of the region. The scientific novelty of this research lies in the analysis of the determined sources, based on which the conclusion was made that the administrative-territorial modelling of the steppe area of North Caucasus depended on the political, economic, and ethnical factors, which justified the multivariant government structure as a whole.*

Key words: XIX century, government structure, Nomadic people, ulus, empire, province, steppe area of North Caucasus, foreigners, administrative-territorial modeling, administrative-territorial structure.

Имперская форма государственно-территориального устройства основывается на территории многих народов и стран. Особенностью империи является различный статус включенных в нее образований, которые сохраняют некоторые признаки государственности или особого этнополитического территориального образования. Процесс освоения новых земель, включенных в состав империи, зависел от демографических, социально-экономических и т. п. параметров региона при этом важнейшей задачей государства на этапе введения являлось их административно-территориальное оформление.

С конца XVIII века Российской империей активно осуществлялось освоение Северного Кавказа, которое повлекло изменения в его административно-территориальном устройстве и управлении. В 1785 г. Указом императрицы Елизаветы было учреждено Кавказское наместничество, куда на правах областей вошли Астраханская и Кавказская губернии. В Астраханскую губернию вошли Астраханский, Енотаевский, Красноярский и Черноярский уезды, в Кавказскую – Екатериноградский, Георгиевский, Кизлярский, Моздокский и Ставропольский. Но уже в 1796 г. правительство упразднило институт наместничества, в связи, с чем Кавказское на-

местничество прекратило свое существование, а составлявшие его Астраханская и Кавказская области обрели самостоятельность. В 1800 г. Государственная коллегия иностранных дел приняла решение о передаче Кавказских народов населявших Астраханскую губернию, в подчинение специально назначенного пристава. Главный пристав для жителей Северного Кавказа, будучи представителем гражданской власти, выступал своеобразным посредником между управляемыми народами и администрацией губернии [1, 645]. 15 ноября 1802 г. Кавказская губерния была преобразована, в нее были включены 5 уездов: Кизлярский, Моздокский, Георгиевский, Александровский и Ставропольский, центром стал город Георгиевск. Согласно новому проекту преобразований и на основании Указа Сената от 10 августа 1822 г., губерния была переименована в область по причине малонаселенности, а областным городом определен Ставрополь.

Население Ставропольской губернии представляло собой полиэтничное общество, отмеченное И. В. Бентковским в работе «Наши кочевники и их экономическое состояние» – «В Ставропольской губернии насчитывается до 90 000 разных кочующих народов: калмык, трухмен, киргизов, едисанцев, едишкульцев, джембукцев и каранагайцев» [2, 1]. Геог-

рафическое положение данного региона и его природно-климатические особенности привлекали народы, ведущих кочевой образ жизни, которые с 1822 г. в российских законодательных актах стали называться «внутренними инородцами». Так, специальным документом, определявшим правовой статус кочевых народов, стал «Устав об управлении инородцами», утвержденный 22 июля 1822 г. [15]. Инородческое население империи делилось на три разряда: оседлые, кочевые и бродячие. В основу деления согласно параграфу 1 главы 1 Устава был положен принцип хозяйствования и «степень гражданского образования», последнее рассматривалось как уровень общественного развития народа. По мнению А. Д. Градовского, «эти три разряда соответствовали вместе с тем степени подчинения означенных инородцев условиям русского управления и гражданским законам России» [6, 414].

В дальнейшем более подробно статус кочевников, населяющих Кавказскую область, был определен «Учреждением для управления Кавказской областью» 1827 г. [4]. Этот документ, помимо особой главы VI, намечавшей общие контуры организации управления инородцами, содержал «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» [16], который являлся составной частью Учреждения. Согласно Уставу, внутренние инородцы были разделены на оседлых и кочевых. К первым были отнесены армяне, грузины и евреи, ко вторым – ногайцы, калмыки и туркмены, составившие устойчивый массив кочевого населения Степного Предкавказья.

Анализ документов позволяет сделать вывод о том, что законодательный термин «инородцы» относился к категории подданных империи, квалифицирующей характеристикой которых была не национальная принадлежность, а юридический статус в административно-правовой системе государства. Словарь Брокгауза и Ефрона трактует данный термин как «некоторые племена, преимущественно монгольские, тюркские и финские, которые по правам состояния и по управлению поставлены в особое положение» [18, 224]

Самую многочисленную национальную группу кочевых народов Ставропольской губер-

нии составляли ногайцы. Первые сведения о появлении ногайцев в северокавказских степях, в том числе в низовьях Терека и Сулака, относятся к концу XVIII в. Как считает Н. Г. Волкова [3, 94], процесс образования этнической территории ногайцев в пределах Северного Кавказа включает три периода. Первый – примерно до 80 х гг. XVIII века, когда ногайцы-кочевники передвигались на больших пространствах Предкавказья, Северного Кавказа, западнее Дона и восточнее Волги. Второй этап этого процесса связывается с возникновением постоянных поселений в Пятигорье, по Куме, Кубани, в низовьях Лабы, по Большому и Малому Тегеням. Третий период характеризуется созданием в 30-е годы XIX в. этнической административно-территориальной модели в рамках Ставропольской губернии, в форме приставства.

Исторической родиной ставропольских туркмен являлись степи юго-восточного Прикаспия и реки Амударьи. В середине XVII в. большая часть туркмен переселяется под натиском ханов Хивы на территорию современного Ставропольского края. Всего обосновалось три рода: Эгдыровский, Чавдуровский и Сайнаджиевский, кочевавшие в зимний период в районе Кумы – Зимней ставки, летом в долине реки Маныч – Летней ставки. Северокавказские туркмены получили законное право располагать свои кочевья на огромном пространстве – от прибрежных районов Каспия до реки Калаус, согласно утвержденному 19 мая 1806 г. «Положению об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской и Кавказской» [11], которые входили в административное подчинение ставропольским губернским властям как Туркменское приставство.

В первой половине XVII в. калмыки, приняв российское подданство, оказались в иных геополитических условиях, сохранив традиционный образ жизни. Калмыцкая степь была поделена на улусы, Большедербетовский и отдельная часть Малодербетовского улуса в территориальном отношении входили в ведомство Ставропольской губернии, а в административном отношении подчинялись Астраханскому губернскому начальству. Указанная коллизия стала предметом столкновения двух губернских руководств

и породила необходимость проведения административно-территориальной реформы, которая повлияла и на систему государственного управления Большедербетовским улусом.

Оказавшись под юрисдикцией российского законодательства, кочевые народы находились на разном уровне социально-экономического развития, в связи с чем, управление ими осуществлялось дифференцированно. В разделах «Устава об управлении инородцами», как одного из основных документов, регулирующего государственную политику в отношении кочевых народов, посвященных организации самоуправления кочевых и бродячих инородцев отмечено, что они управлялись «по их собственным законам и обычаям».

На основании Указа от 10 марта 1825 г. административно-территориальное устройство кочевых народов Степного Предкавказья было приведено в соответствие с их этническими особенностями, в форме приставства. Территориальная организация государства – явление сложное и многоэлементное, означающее определенный порядок устройства территории, выделение и взаимосвязь отдельных его частей. Это национально-государственное и административно-территориальное устройство, экономическое и специальное районирование [5, 9, 12, 17]. В соответствии с классификацией административно-территориальных единиц, утвердившейся в государственной науке, выделяется национально-территориальная модель государственного устройства. Значение данного термина рассматривается как форма организации общественной жизни, гарантирующая возможность создания этническим сообществом на определенной территории органа местного самоуправления, позволяющая обеспечить удовлетворение специфических запросов на основе развития самобытной культуры и родного языка, сохраняющая традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы. Так, было создан орган управления кочевыми народами в составе губернии, который назывался Главное приставство магометанских кочующих народов. Согласно Уставу для управления кочующими инородцами от 6 февраля 1827 г. были учреждены 5 приставств: Караногайское, Ачикулак-Джем-

булуковское, Калаусо-Джембулуковское, Калаусо-Саблинское, Туркменское (Трухмянское).

Согласно «Устава для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» для управления всеми кочевым народами на территории Ставропольской губернии учреждалась должность Главного пристава, который являлся членом Областного управления и подчинялся ему. Кандидатура Главного пристава утверждалась министром внутренних дел по представлению областного начальника и согласию главноуправляющего на Кавказе. Особой обязанностью главного пристава был сбор сведений о законах и обычаях степных народов, их упорядочивание, обнаружение и охрана. Поэтому поводу в законе содержится инструкция о принципе классификации норм обычного права кочующих народов с выделение трех основных категорий: права лиц (социальное деление, семейные и религиозные нормы), общие законы и обычаи (традиционная система управления, форма судопроизводства и т. п.), частные законы (виды преступлений, обычные нормы наследственного права и т. п.). В помощь Главному приставу с функцией охраны общественного порядка были определены четыре Частных пристава, утверждаемые главноуправляющим по представлению областного начальника. Статус частных приставов Уставом приравнивался к земскому управлению.

К 1858 г. кочевые народы объединялись в 5 приставств: Ачикулакское, Джембулуковско-Едисанское, Калаусо-Саблинское, Бештаво-Кумское, Караногай-Едишкульское, Трухменское. Административно-хозяйственное управление народами полностью принадлежало главному приставу и подведомственному ему штату.

В 1859 г. был утвержден новый штат управления магометанскими кочевыми народами, обитающими в Ставропольской губернии. Согласно этому документу надзор за образом действий приставств, главного пристава в том числе, осуществлял начальник губернии [10, л. 47].

21 октября 1859 г. «Государь Император признавая необходимым для прекращения споров и недоразумений, возникающих между Астраханским и Ставропольским губернским начальством по заведыванию калмыками и маго-

метанскими народами кочующими на землях как Астраханской, так и Ставропольской губерний» издал указ, согласно которому «Калмыцкую степь в Ставропольской губернии с кочующими на оной калмыками Большедербетовского улуса и отдельной части Малодербетовского улуса с их управлениями подчинить Главному Приставу магометанских народов кочующих в Ставропольской губернии, и затем ему Главному Приставу именоваться Главным Приставом кочующих народов в Ставропольской губернии» [7, л. 9-10]. Кроме того, этим же указом была изменена административная граница между Ставропольской и Астраханской губерниями, в частности, она была сдвинута в пользу Ставропольской губернии с нижнего течения р. Кумы на ее правый приток – р. Гайдук. При этом как значится в документе министерства государственных имуществ от 26 апреля 1860 г. № 272 за подписью управляющего министра, калмыкам, кочевавшим на территории отдельной части Малодербетовского улуса, было предоставлено право выбора – остаться в подчинении ставропольских властей или перейти к своим сородичам, проживавшим в Астраханской губернии [7, л. 76-81]. Таким образом, в ходе проведения границы между губерниями, властями учитывался и национальный фактор, так же как и стремление уменьшить плотность населения. Следует отметить, что, несмотря на переход Большедербетовского улуса в ведомственное подчинение другой губернии, была сохранена с незначительными изменениями прежняя система управления и национально-территориального устройства.

В 1861 г. в результате миграции ногайцев в Турцию были упразднены изрядно обезлюдившие Калаусо-Джембулукское и Калаусо-Саблинское приставства, а освободившиеся земли переданы в Ставропольскую палату государственных имуществ. Оставшиеся в Калаусо-Джембулукском приставстве кызыларские татары, проживавшие здесь с 1848 г., после прихода из Турции, были причислены к Туркменскому приставству, оставшиеся ногайцы – к Ачикулак-Джембулукскому [13, л. 2-3].

К 1873 г. ведомство главного пристава кочующих народов состояло из 3 приставств – Трухмянского, Караногайского народа и ачикулак-

джембулукских, эдисанских и эдишкульских народов, занимающих площадь в 24,5 млн. десятин земли [8, л. 148].

В 1888 г. по Высочайше утвержденному 21 марта мнению Государственного Совета о преобразовании Кубанской и Терской областей Караногайское приставство было перечислено в Терскую область [14, л. 5]. Таким способом было устранено некоторое неудобство в административном управлении, связанное с отдаленностью приставства от губернского центра.

Таким образом, административно-территориальное моделирование пространства Степного Предкавказья зависело от таких факторов как специфика региона: политические, экономические и этнические особенности, что и обусловило поливариантное устройство государства в целом. Приставство и улус обладали всеми признаками национально-территориальной модели государственного устройства.

- *Являлись элементом территориальной организации Российской империи.* Процесс моделирования административно-территориальной структуры в Степном Предкавказье проходил по инициативе государства. Управленческую систему и размеры национально-территориальной модели органы власти определяли, исходя из административно-фискальных интересов. Значительная корректировка в этом процессе привносилась спецификой региона, где немаловажную роль играла низкая плотность населения.
- *Не обладали политической самостоятельностью и находились в определенном соподчинении.* По мере утверждения царской администрации в Степном Предкавказье, общинное самоуправление этнических сообществ целенаправленно заменялось государственно-административным управлением на основе общих норм права Российской империи. Инкорпорированные в управленческую структуру традиционные институты самоуправления, фактически сохраняли лишь внешнюю форму, при этом менялось его внутреннее содержание. В ходе постепенного законодательного реформирования административных органов управления осуществлялся процесс преобразования и совершенствования

взаимодействия центральных, региональных и местных органов власти.

- *Соответствовали исторически сложившейся системе расселения, что способствовало сохранению и развитию национальной культуры.* Включение кочевых народов Степного Предкавказья в общегосударственную структуру Российской империи привело к оформлению системы управления с элементами дуализма, заключавшейся в сочетании государственного и общественного управления. При этом царское правительство не могло не учитывать большого разнообразия интересов, привычек и нравов, веками установившихся правовых норм и обычаев местных народов.

Таким образом, положенный в основу административно-территориального моделирования этнический принцип не нарушал экономической

целесообразности, рационально и эффективно совмещаясь. При сохранении допустимых правовых норм, местных традиций и обычаев, основной целью имперской политики по отношению к вошедшим в состав России народам было стремление унифицировать систему управления, в связи с возрастанием значения указанного региона, как в стратегическом, так и в хозяйственно-экономическом отношении. Введение в хозяйственный оборот земель Степного Предкавказья и включение кочевых народов в единое экономическое пространство Российского государства имело взаимовыгодное значение, так как это был товарообмен между народами с разными способами хозяйствования. Все мероприятия, осуществляемые властями, безусловно, способствовали более тесному хозяйственному и культурному взаимодействию кочевых и оседлых народов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Под ред. А. П. Берже. Т. 1. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. 827 с.
2. Бентковский И. В. Наши кочевники и их экономическое состояние. // Ставропольские губернские ведомости. № 32. 1897.
3. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX в. М.: Наука, 1974. 125 с.
4. Высочайше утвержденное учреждение, для управления Кавказской областью от 6 февраля 1827 г. // ПСЗРИ. Т.II. – № 877. СПб., 1830.
5. Горохова С. С. Историко-правовые предпосылки возникновения и развития российского федерализма // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2010. № 6. С. 69-74.
6. Градовский А. Д. Начала русского государственного права: в 2 т. Т. 1. М.: Зерцало, 2006. 470 с.
7. Дело о передаче земель Большедербетовского и отдельной части Малодербетовского улусов с управлениями из Астраханской в ведение Ставропольского губернского начальства. 27.04.1860-28.07.1869 гг. // Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. И-9. Оп. 4. Д. 121.
8. Журнал смешанной комиссии о разграничении территории и образовании комиссий для распределения земель между кочующими народами. 1889 г. // Государственный архив Ставропольского края (ГАСК) Ф. 101. Оп. 4. Д. 1870
9. Замышляев Д. В. Унитарное государство Российской империи // История государства и права. 2004. № 4.
10. По представлению управляющего палатой о назначении двух землемеров по отделению о переселении крестьян по оброчным статьям // Государственный архив Ставропольского края (ГАСК) Ф. 132. Оп. 1. Д. 2511
11. Положение от 19 мая 1806 г. «Об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской, Кавказской и части Саратовской» // Санктпетербургский журнал. 1806 г. № 10. СПб.: «Медицинская типография», 1806. 135 с. С. 63-88
12. Туронок С. Г. Федерализм, унитаризм, конфедерализм // Общественные науки и современность. 2000. № 2.
13. Управленческая документация. 1808-1917 // Государственный архив Ставропольского края (ГА СК) Ф. 249. Оп. 1. Д. 80
14. Управленческая документация. 1860-1918 // Государственный архив Ставропольского края (ГА СК) Ф. 249. Оп. 2. Д. 1130
15. Устав для управления инородцами от 22 июля 1822 г. // ПСЗРИ. Т.38. – № 29126. СПб., 1830.

16. Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области // ПСЗРИ. Т. 2. 1827. СПб., 1830. № 878. С. 145-155.
17. Чиркин В. Е. Основы сравнительного государственного права // Российский юридический журнал. 1993. № 2
18. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIII. СПб.: Типо-Литография, 1894. 480 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei. Pod red. A. P. Berzhe. T. 1. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1866. 827 s.
2. Bentkovskii I. V. Nashi kochevniki i ikh ekonomicheskoe sostoyanie. // Stavropol'skie gubernskie vedomosti. № 32. 1897.
3. Volkova N. G. Etnicheskii sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII – nach. XX v. M.: Nauka, 1974. 125 s.
4. Vysochaishe utverzhdennoe uchrezhdenie, dlya upravleniya Kavkazskoi oblast'yu ot 6 fevralya 1827 g. // PSZRI. T.II. – № 877. SPb., 1830.
5. Gorokhova S. S. Istoriko-pravovye predposylki vozniknoveniya i razvitiya rossiiskogo federalizma // Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki. 2010. № 6. S. 69-74.
6. Gradovskii A. D. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava: v 2 t. T. 1. M.: Zertsalo, 2006. 470 s.
7. Delo o peredache zemel' Bol'shederbetovskogo i ot del'noi chasti Maloderbetovskogo ulusov s upravleniyami iz Astrakhanskoi v vedenie Stavropol'skogo gubernskogo nachal'stva. 27.04.1860-28.07.1869 gg. // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya (NA RK). F. I-9. Op. 4. D. 121.
8. Zhurnal smeshannoi komissii o razgranichenii territorii i obrazovanii komissii dlya raspredeleniya zemel' mezhdru kochuyushchimi narodami. 1889 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraja (GASK) F. 101. Op. 4. D. 1870
9. Zamyshlyayev D. V. Unitarnoe gosudarstvo Rossiiskoi imperii // Istoriya gosudarstva i prava. 2004. № 4.
10. Po predstavleniyu upravlyayushchego palatoi o naznachanii dvukh zemlemerov po otdeleniyu o pereselenii krest'yan po obrochnym stat'yam // Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraja (GASK) F. 132. Op. 1. D. 2511
11. Polozhenie ot 19 maya 1806 g. «Ob otvode zemel' kalmykam i drugim narodam, kochuyushchim v guberniyakh Astrakhanskoi, Kavkazskoi i chasti Saratovskoi» // Sanktpeterburgskii zhurnal. 1806 g. № 10. SPb.: «Meditsinskaya tipografiya», 1806. 135 s. S. 63-88
12. Turonok S. G. Federalizm, unitarizm, konfederalizm // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2000. № 2.
13. Upravlencheskaya dokumentatsiya. 1808-1917 // Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraja (GA SK) F. 249. Op. 1. D. 80
14. Upravlencheskaya dokumentatsiya. 1860-1918 // Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraja (GA SK) F. 249. Op. 2. D. 1130
15. Ustav dlya upravleniya inorodtsami ot 22 iyulya 1822 g. // PSZRI. T.38. – № 29126. SPb., 1830.
16. Ustav dlya upravleniya nogaitsev i drugikh magometan, kochuyushchikh v Kavkazskoi oblasti // PSZRI. T. 2. 1827. SPb., 1830. № 878. S. 145-155.
17. Chirkin V. E. Osnovy sravnitel'nogo gosudarstvovedeniya // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 1993. № 2
18. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. T. XIII. SPb.: Tipo-Litografiya, 1894. 480 s.